

Более семи месяцев назад четыре научно-исследовательских судна Дальневосточного гидрометинститута вышли из Владивостока, чтобы у берегов западной Африки в составе объединенной эскадры принять участие в международном атлантическом тропическом эксперименте «ТРОПЭКС-74».

Позавчера вернулись в родной порт научно-исследовательские суда

«Академик Королев», «Прибой» и «Волна». Сегодня мы начинаем публиковать путевые заметки участника экспедиции Валентина ЛИХАЧЕВА.

I. ЗНАКОМСТВО С РАБАУЛОМ

СЕМЬ с небольшим месяцев назад апрельским утром из бухты Золотой Рог ушла эскадра научно-исследовательских судов Дальневосточного гидрометинститута (ДВНИГМИ). Кораблям погоды «Волна», «Прибою» и «Океану» во главе с флагманом экспедиции «Академиком Королевым» предстояло пересечь два океана, чтобы у западного побережья Африки принять участие в уникальном эксперименте, проводимом Всемирной метеорологической организацией ОЭН. Впервые семьдесят две страны мира объединили свои усилия для решения одной из актуальнейших проблем современности — проблемы прогнозирования погоды.

Предсказать погоду, предупредить надвигающееся стихийное бедствие — значит сократить многие тысячи человеческих жизней, избежать убытков, исчисляемых миллиардами рублей...

Метеорологическая наука на современном этапе накопила уже достаточно данных о состоянии и взаимодействии атмосферы и океана. Теперь надо научиться их использовать, создать математические модели атмосферных процессов. Для этого необходимо было провести синхронные наблюдения сразу на большом пространстве. Районом исследования была избрана тропическая зона Атлантики от берегов Америки до африканского побережья. Масштабы эксперимента настолько велики, что ни одной стране не под силу осуществить его самостоятельно. Объединенный научный флот состоял из сорока научно-исследовательских судов.

Рейд небольшой и пустын-

НА МЕРИДИАНАХ „ТРОПЭКСа“

ный. В глубине бухты приютился причал, возле которого одиноко веет громада туристического лайнера. Кроме него и нашего «Академика Королева», в бухте, если не считать нескольких потрепанных малотонажных «рыбачков» да шеффольских моторок, других судов нет. Правда, к вечеру должны подойти три наших «малыша», как немножко свысока здесь зовут «Океан», «Прибой» и «Волна».

Хотя мы совсем недавно, всего одиннадцать дней, как покинули родной порт, земля, пусть и чужая, встречена заметным оживлением. Тоски по земле еще нет, она придет позже, и чужой берег вызывает вполне понятное любопытство. Еще в прошлом веке здесь побывал Николай Николаевич Миклухо-Маклай на корвете «Витязь», затем, спустя десятилетия, новый «Витязь» доставил в этот тихий порт советских ученых, и вот сегодня четыре корабля погоды Дальневосточного гидрометинститута вновь прибыли в эти места.

С рассвета во все бинокли «Королев» изучает прибрежные пальмовые рощи и скрывающиеся за ними тростниковые хижины, с нетерпением ожидая, когда закончатся положенные в таких случаях формальности и можно будет сойти на берег, ехать «открывать» землю.

«Первооткрыватели» гурьбой высекали из бота и в растерянности остановились возле довольно большого строения, крытого соломой. Вдоль берега пролегало хорошо заасфальтированное шоссе, заворачивая обоими концами в глубь острова. Встало дилемма: направо пойдешь — ничего не найдешь, налево пойдешь — никуда не придешь. Однако смятение длилось недолго. Из массы резко выделились «лидеры», и под их предводительством, разделившись на две группы, «первооткрыватели» бодро зашагали в противоположные стороны. Лишь несколько нерешительных остались под сводами хижин, не зная, к какой из групп присклонуть, а потом, очевидно, ре-

шившись, бросились догонять ушедших далеко вперед товарищев. В первые же полчаса мы открыли, что загадочное шоссе — кольцевое и что все дороги ведут под тенистый шатер местного яхтклуба, где вскоре собрались распаренные тропическим солнцем обе группы, наслаждаясь холодным австралийским пивом «Черный лебедь».

Так мы открыли для себя Рабаул.

Рабаул — небольшой городок в этом зеленом уголке, затерявшемся под сводами кокосовых пальм и магнолий, щедро оплетенных лианами. Он уютно устроился в прибрежной ложбине и, на первый взгляд, весь умещается в квадрате из четырех улиц, состоящих почти сплошь из одноэтажных построек. Это официальная часть городка. Здесь расположены магазины и немногочисленные оффисы. У подножия холма, куда упирается своим концом улица 4 Мая, расположился овощной базар. Чего тут только нет! Европейцы редко посещают этот район, зато он служит местом сбора аборигенов. Здесь узнают последние новости, встречаются с дальными родственниками и знакомыми. Здесь же процветают немудреные ремесла: аборигены плетут корзины и шляпы из пальмовых листьев, вытесывают ритуальные маски для продажи, наизывают на лесу раковины каури, превращая их в ожерелья. Людей много, все вокруг нестригт многоцветьем национальных нарядов, но не слышно шума, характерного для базара. Папуасы сдержаны и неназойливы. Они любознательны, но ведут себя с достоинством и очень дружелюбно.

Аборигены, за редким исключением, живут за чертой городка в поселениях, состоящих из десятка и более хижин. Здесь причудливо переплелись каменный век и современность. Папуасы пользуются новейшими орудиями, ездят в автомобилях и... поклоняются языческим богам. Причем и сами боги модернизированы. Например, охраняя хижину от

духов, висит на высоком шесте... соломенный «Бонг», копия того, что ежедневно произносится над головой курсом на Австралию.

Природа

Новой Британии богата и щедра. Стоит углубиться в тропический лес, как на каждом шагу встречаются апельсиновые, лимонные и манговые деревья, банановые и кокосовые пальмы. Копра — сердцевина кокосового ореха, ценная масличная культура и основной предмет экспорта Новой Гвинеи. Копра — главная статья дохода местных жителей. Когда приходит пора сбора кокосовых орехов, все получают работу.

У ЕВРОПЕЙСКОЙ части населения своей жизненный уклад, свои заботы. Жаркое время дня европейцы проводят в клубах. Доступ туда строго ограничен. Это остатки колониальных порядков, долго царивших здесь, и, хотя над Рабаулом разевается флаг свободной Новой Гвинеи, фактическая власть все еще принадлежит Австралии. Здесь сохранились порядки, строго поддерживаемые прежней администрацией. Что поделаешь — еще нет своих кадров, еще очень сильна экономическая зависимость.

Когда жара спадает, из клубов и оффисов все разъезжаются по домам. Они разбросаны тут и там под сводами пальм. Это типичные тропические бунгало, похожие друг на друга как две капли воды. Они стоят на сваях, чтобы спастись от сырости в сезон дождей и от жары в период экваториального лета. Каждое бунгало окружено аккуратно подстриженной стандартной лужайкой, украшенной большим гофрированным алюминиевым баком, ведер на пятьсот, для сбора воды. В засушливое лето ее не хватает.

По воскресеньям все население города устремляется в церковь.

Она находится в центре и пользуется большой популярностью. Это не только культурное сооружение, но и музей. Современное, новое здание пристроено к старой деревянной миссионерской церкви,

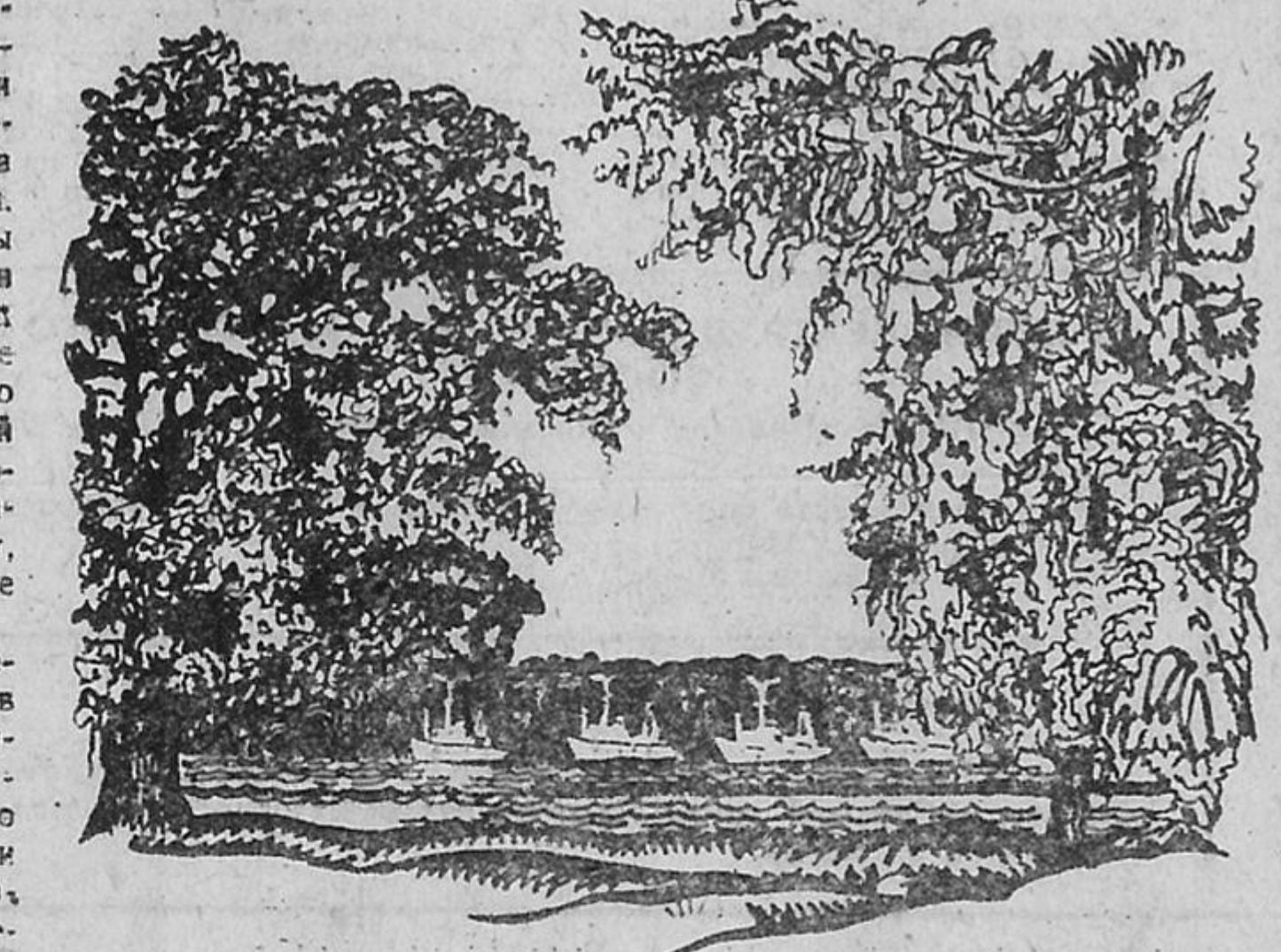
в ночь на 9 мая. У нас на Родине эта ночь озарена праздничными салютами.

Валентин ЛИХАЧЕВ, ворт НИС «Академик Королев».

(Продолжение следует).

На ИЛЛЮСТРАЦИЯХ: папуасы Новой Британии; корабли погоды на рейде Рабаула.

Рисунки В. Рещука.

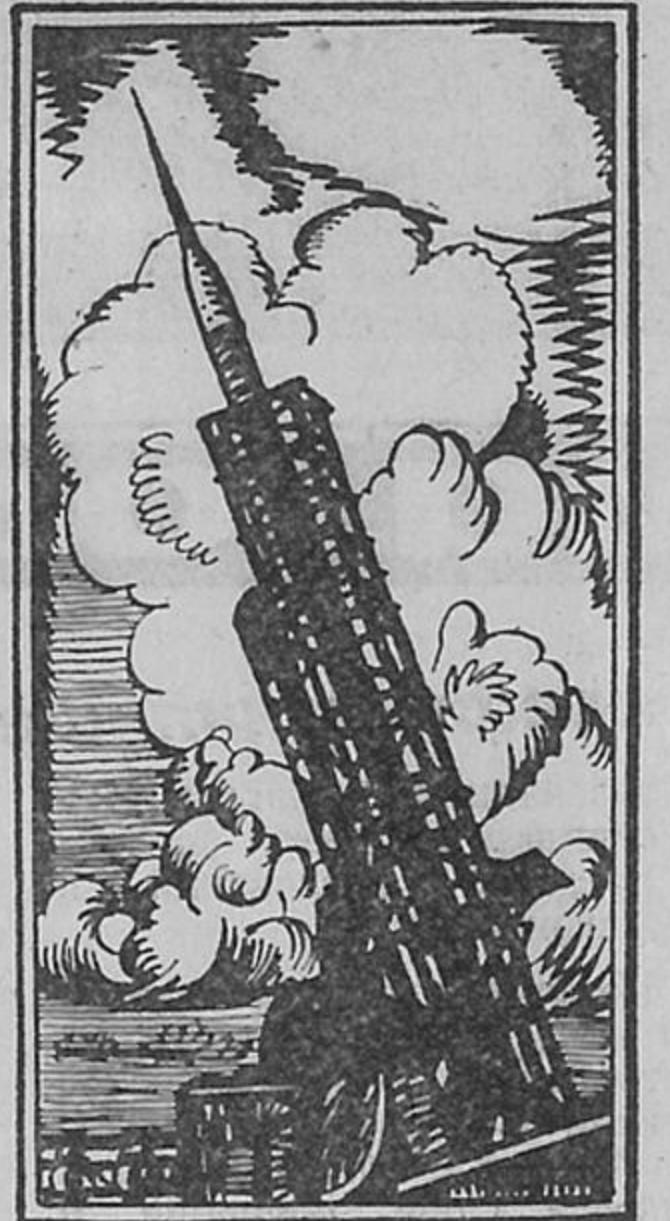
НА МЕРИДИАНАХ „ТРОПЭКСа“

2. РАЗРЕЗ ПО ЭКВАТОРУ

УТРОМ о недавно покинутой земле напоминало только далекое кучевое облако — спутник суши. Впереди безбрежные просторы Тихого океана, который наша научная эскадра должна пересечь по экватору, проведя сотни исследований атмосферы и океана. Отсюда начнется программа «ТРОПЭКС», вернее, ее национальная часть. Четыре дальневосточных научно-исследовательских судна должны проверить данные по теории квазидвухлетней цикличности, отработать взаимодействие между собой, способы связи и обмена информацией, уточнить программы для вычислительных машин, словом, провести генеральную репетицию перед экспериментом, который начнется в тропической зоне Атлантики почти через два месяца.

Прежде чем начать тихоокеанский экваториальный разрез, суда собрались в начальной точке для первой сверки метеорологических приборов. Погода к исходу дня испортилась. Казалось, сама природа загрустила перед предстоящей разлукой: после сверки суда выйдут каждое на свою позицию и встретятся только в конце разреза у берегов Центральной Америки. К ночи необходимые поправки были выработаны, суда обменялись полученной в ходе сверки информацией и, отсалютовав прощальными гудками, растаяли в темноте.

Океан безбражен. Особенно это становится заметным, когда судно останавливается для производства очередных наблюдений. Наш маршрут проходит вдали от протертых морских трасс, и никто не нарушает нашего одиночества. Судно медленно покачивается в центре круга, очерченного

линией горизонта, и только солнце, совершая свой неизменный путь, встречает нас по утрам и провожает вечером. Мы идем на восток по нулевой параллели. За нами остаются часовые пояса, приближая начало эксперимента. В ПРОГРАММУ исследований по теории квазидвухлетней цикличности входит зондирование верхних слоев атмосферы с помощью метеорологических ракет, запускаемых с судна. Метеоракеты на вооружении судов погоды — уже давно не новинка. В ДВНИГМИ выросли кадры ракетчиков, имеющих за плечами опыт не одного десятка пусков в различных условиях и в самых отдаленных точках Мирового океана. Тем не менее, дело это серьезное, и, как только расстали в ночи ходовые огни наших судов, ракетный отряд под руководством Павла Ивановича Зенковича начал готовиться к первому в этом рейсе пуску. Всего на переходе через Тихий океан «Академик Королев» должен был произвести семь выстрелов в стратосферу, и все семь в темное время суток. Последнее обстоятельство сильно огорчило нас с кинооператором Василием Рещуком. Из-за низкой чувствительности кинопленки мы лишились эффектных кадров, которые наверняка украсили бы будущую картину. Зато мы тоже получили моральную компенсацию за эту потерю. Заместитель капитана по научной части Владислав Яковлевич Ткаченко определил нас в ракетный отряд. Правда, обязанности наши были более чем скромными — открывать и закрывать ракетный трюм, но сопричастность к важному событию наполнила наши сердца гордостью.

В ракетном пуске, да еще в ночном, да еще для людей не-

стартовая тишина. Только тихоежжат приборы телеметрической информации да в пультовую к Зенковичу поступают короткие доклады с постов и из лабораторий: «Первый готов... второй готов... третий... шестой готов...».

Корабль готов к пуску. На мостики капитан Олег Ананьевич Ростовцев готов немедленно произвести необходимый маневр, у главного распределительного щита замер в готовности вахтенный электромеханик, на вычислительном центре готовы к приему информации...

Последние секунды... И вдруг, как всегда неожиданно: «Пуск». Поворот ключа, нажатие кнопки, короткий резкий луч, будто враз зажгли сотни паяльных ламп, и вот уже ослепительная вспышка унеслась ввысь, медленно угасая, растворяясь среди махнатых южных звезд, а ракетчик Слава Красношапка вручает мне на память искореженное и еще горячее сопло первой ступени ракеты.

ЗА ТИХООКЕАНСКИЙ переход только на флагмане экспедиции «Академик Королев» произведено шесть пусков метеоракет в стратосферу, проведено свыше шестисот метеорологических наблюдений, выполнено сто двенадцать гидрологических станций с определением температуры и солености морской воды на разных горизонтах, выпущен пятьдесят один радиозонд. Это очень большой объем научных работ, но значительно больший предстоит выполнить в ходе эксперимента. Только за двадцать дней первого этапа будет сделано сто шестьдесят гидрологических станций с определением температуры, солености морской воды, содержания в ней кислорода, фосфора, биогенных элементов и других соединений; метеорологи ежечасно, а порой через каждые 15—30 минут будут проводить полный комплекс наблюдений. Справиться с таким объемом исследований может только слаженный, дружный коллек-

тив, каждый член которого проникнется серьезностью предстоящей работы.

Организовать людей, довести до сознания каждого ответственность задачи — на это направлены усилия начальников отрядов, партийной организации и первого помощника капитана Юрия Прокопьевича Ковтанюка.

Тихоокеанский экваториальный разрез закончился. Для ученых наступила небольшая передышка, необходимая для систематизации полученных данных об атмосферной циркуляции и особенностях гидрологического режима в экваториальной зоне. Анализ материалов наблюдений, полученных четырьмя судами одновременно, позволит более детально уточнить структуру ВЭК — внутритеческой зоны конвергенции, зоны, где сходятся пассаты Северного и Южного полушарий, генерируя колоссальные энергетические массы, которые, высвобождаясь, влияют не только на погоду экваториальной зоны, но и всего земного шара. Получены подробные данные об эволюции квазидвухлетней цикличности состояния экваториальной стратосферы. Все эти наблю-

дения лягут в основу решения проблемы долгосрочного прогнозирования погоды, помогут ученым построить математические модели атмосферных процессов.

ПОСЛЕДНИЕ МИЛИ. Зыбкая тихоокеанская дорога привела «Академика Королева» в Панамский залив вечером, на исходе месячного перехода. Тут и там на якорях стоят суда, ожидающие своей очереди для прохода через канал. Все высыпали на палубу, пытаясь разглядеть в сумерках быстро тающего дня родные советские флаги. С нетерпением ожидали встречи с нашими «малышами». Их пока нет. Они приходят поздней ночью и станут на якорь неподалеку.

На следующий день вежливый представитель администрации Панамского канала сообщил на «Королев», что к полудню мы войдем в канал. Обычно процедура оформления занимает довольно много времени. Панамское предприятие — не благотворительное заведение, а бизнес. Поэтому судно тщательно обмеряют, чтобы установить тоннаж, а отсюда и стоимость проводки. Для судов ДВНИГМИ шлюзы и озера Панамы — маршрут не

новый, и данные обмеров давно хранятся в сейфах компании.

Панамский канал очень красив, но мало кому из наших моряков доводилось проходить его днем. Опираясь на этот опыт и пользуясь хорошей погодой, капитан «Волны» дал распоряжение начать покраску корпуса. На других судах тоже воспользовались вынужденной передышкой для различных хозяйственных работ. И опыт не подвел. К тому времени, когда мы начали двигаться к входу в канал, «Волна» стояла на якоре, сверкая белизной свежевыкрашенных бортов.

С сожалением мы прятали приготовленные фотоаппараты. Солнце быстро скатывалось за холмы, когда «Академик Королев» пронес свои мачты под аркой моста, соединяющего Северную Америку с Южной и вошел в желтые воды канала. На ажурных фермах антенн повисла ночь. Через 12 часов мы будем в Атлантике, через 24 дня начнем эксперимент.

Валентин ЛИХАЧЕВ.
Борт НИС
«Академик Королев».

(Продолжение следует).

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ: метеорологическая ракета готова к пуску; мост, соединяющий Северную Америку с Южной.

Рисунки В. Рещука.

НА МЕРИДИАНАХ „ТРОПЭКСа“

3. НАЧАЛО ЭКСПЕРИМЕНТА

ПОЗАДИ ОСТАЛИСЬ озера и шлюзы Панамского канала, набережная и пляжи Гаваны, короткий переход через оживленную, обжитую Атлантику. Где-то недалеко за горизонтом Африка. Об этом говорит звезда из черно-серой пыли, привнесенной сюда ветром пустыни. Сквозь пыль солнце приобрело необыкновенный цвет — цвет старого серебра. Оно изредка появляется на небосводе, а на закате сверкает сквозь мрак, как только что отчеканенная монета, тусклым, ртутно-серебристым светом.

Где-то за горизонтом суда — участники эксперимента уже заняли исходные позиции. Часть их расположилась в вершинах шестиугольников, вытянутых на север и помещенных один внутри другого. Эти два масштаба составлены в основном из советских и американских судов и предназначены для изучения конвективных процессов в зоне зарождения тропических циклонов. Остальные вытянулись широким фронтом от Южной Америки до Африки между экватором и пятнадцатой северной параллелью. Они будут фиксировать перемещение и эволюцию ВЗК.

Без карты трудно представить себе размах этого уникального эксперимента. Но пусть любознательный читатель попробует нанести в указанном районе тридцать шесть точек (в разное время в эксперименте участвовало от 30 до 40 судов) хотя бы в четыре ряда в шахматном порядке. Много ли остается свободного места в этой части океана?

Эксперимент задуман широ-

(Продолжение. Начало в № 288—289).

ко. Семьдесят две страны предоставили в распоряжение оперативного центра управления и координации сорок судов, тридцать самолетов-лабораторий, система спутников Земли Всемирной службы погоды, множество береговых метеостанций. В ноль часов по Гринвичу четыре тысячи специалистов одновременно по сигналу точного времени начали неслыханный в истории эксперимент.

С восьми часов утра капитан «Академика Королева» Олег Ананьевич Ростовцев прохаживается по мостику, чуть подав голову вперед и приподняв покатые сутулые плечи, отчего руки кажутся безвольно повисшими, как крылья большой усталой птицы. Лицо его выдает озабоченность. Изредка он рассматривает вниз, на палубу, где копошатся гидрологи, разматывая тросы, раскладывая блоки, вертулги и еще различные приспособления, называемые все вместе тросовой системой.

Начальник гидрологического отряда Степан Иванович Гись, весь перепачканный мазутом, отдает последние указания. Вообще-то все и так знают, кому что делать, но еще раз напомнить Степан Иванович считает не лишним, а потому говорит своим мягким, с украинским акцентом, немного окающим говорком:

— Володья, не забудьте застечь время, когда вертушка коснется воды.

Получив удовлетворительный ответ, Гись отходит успокоенный с тем, чтобы через несколько минут опять вернуться.

Предстоит довольно длительная и сложная операция — постановка автономной буйко-

вой станции — громоздкого сооружения, в виде трехметрового в два обхвата пенопластового поплавка, снаряженного с одного конца антенной для обнаружения локатором и несения опознавательных огней, а с другого — тросовой системой с привязанным к ней глубоководным якорем и серией гидрологических «вертушек» — умных присборов, которые много дней будут фиксировать параметры океанских течений на различных горизонтах.

В любую погоду буй, сохранив строго заданные координаты, должен собрать максимум полезной информации о состоянии водной толщи. Полученные данные вместе с многократными ежедневными анализами солености морской воды, содержания в ней кислорода, биогенных соединений и других элементов дадут общую картину состояния вод этого района. Сопоставление полученных данных с метеорологическими и гидрологическими наблюдениями даст комплексную картину взаимодействия океана и атмосферы.

И капитана, и Степана Ивановича беспокоит зыбь, которая ни с того ни с сего с утра взялась раскачивать судно. На такой зыби малейшая неточность грозит потерей вертушки, а то и всего яруса. Захлестнет буй тросом, отойдет он от борта, а потом всей тяжестью, помноженной на многотонную тяжесть океанской волны, грохнется о стальнюю обшивку корабля и... поминай как звали.

Вот поэтому так озабоченно поглядывает с правого крыла мостика капитан, надоедает вопросами Гись и упорно не покидает бака старпом Артем Харлампиевич Борисов. Он отвечает за то, чтобы у всех «рук-ноги остались целы».

Еще раз все проверено, запущена главная машина, чтобы вовремя сменевшись

ходом, и вот уже проплыл над палубой красный цилиндр, подхваченный за «талию» стальным тросом и опустился на пологого отхлынувшую от борта волну. В ту же секунду Олег Ананьевич коротко передвинул рукоятки машинного телеграфа и, повинувшись его воле, «Королев» резко двинул назад и вбок, удаляясь от коварного буя. За борт пошла первая вертушка. Старпом свесился через фальшборт и скрипнул зубами от обиды. Пеньковый конец, который был привязан к вентилю для придания бую направления, захлестнуло стальным тросом, и, вместо того чтобы удаляться, буй наваливался на борт, грозя оборвать трос и обломить мачту с антенной. «Боцман, штурмтрап за борт», — скрежетнул, как рвущийся трос, голос, и вот уже, обвязавшись веревкой, старпом повис на штурмтрапе, раскачиваясь, неловко цепляясь за него одной рукой, а другой пытаясь высвободить захлестнутый канат. Наконец, это ему удалось, и буй, отброшенный волной, качнулся от борта. Тотчас же, повинувшись команде с мостика, взбили пену за коромыслами, и между поплавком и бортом судна образовалась спасительная полоска воды.

Дальше все пошло как по маслу. Одна за другую опускались вертушки, долго проплывая корпусами сквозь прозрачную синеву, и последним, подняв фонтан брызг, засветившихся янтарем в лучах заходящего солнца, пошел в

пятикилометровую глубину донный якорь.

Я не оговорился про закатное солнце. Операция по постановке автономной буйковой станции заняла целый световой день.

Вечером на черном, как чернила, тропическом небосклоне зажглись знакомые звезды, и среди них весело подмигивал желтоглазый маячок буя, как бы говоря: «Не беспокойтесь, я здесь...» Двадцать дней будет он вот так подмигивать проходящим судам, кивая на встречу океанской волне мачтой-антенной.

Двадцать дней — это срок первого этапа эксперимента. В конце срока мы поднимем буй, а на его место поставим новый, вернее, сперва поставим новую серию вертушек, а потом поднимем старую. Очень важно получить непрерывную картину состояния океанических вод этого района за весь период наблюдений. Все исследования, проводимые в этот период на судне, должны дополнять данные, зафиксированные автономной буйковой станцией.

Через двадцать дней мы войдем в Дакар, столицу африканской республики Сенегал. Там находится оперативный координационный центр по управлению экспериментом. В дакарском порту собираются все суда — участники первого этапа. Будет проведен ряд научных совещаний по различным вопросам, касающимся организации связи, взаимодействия между судами, оперативности передачи информации. Ученые обмениваются первыми полученными в ходе наблюдений данными, и, конечно же, сделают первые прогнозы. Многонациональной армии ученых, впервые объединенных для решения общей задачи и работающих бок о бок, будет о чем поговорить. Тесные личные контакты еще больше укрепят контакты научные.

Все это будет через двадцать дней, а пока по судовой трансляции зачитали радиограмму:

«Поздравляем всех участников с началом эксперимента, желаем удачного завершения первого этапа.

Генеральный директор программы д-р Кютнер.

Директор по морским операциям д-р Тарбеев.

Так было положено начало выдающемуся эксперименту в Атлантике.

Залентин ЛИХАЧЕВ.
Борт НИС «Академик Королев».

НА РИСУНКЕ: инженер-гидролог Владимир БЕЛИКОВ.
Рис. В. Решука.
(Продолжение следует).

НА МЕРИДИАНАХ „ТРОПЭКСа“

4. ДАКАР

АФРИКА МЕНЯ поразила не жарой, а цветом. Именно так, на мой взгляд, должен был выглядеть зной в зрителе —ном его эквиваленте. И небо, и вода, и берег, и город на берегу были одинаково серо-желтого цвета и казались запыленными.

Вход в порт загораживает небольшой островок Гове. Страшна история этого жалкого клочка суши. Он был последним пристанищем многих тысяч рабов, поставщиком которых долгие годы служила Африка. До сих пор на нем сохранился «дом рабов» — последний приют несчастных, навсегда лишившихся родины и свободы.

Чуть севернее океан разбивает желто-серые волны о камни самого западного мыса африканского материка — Кап Вер. На мысе Кап Вер начинается город Дакар, столица и главный город Республики Сенегал промышленный и культурный центр морские ворота Западной Африки.

Здесь, в Дакаре, по решению Всемирной метеорологической организации находится штаб «ТРОПЭКСа-74» — Атлантического тропического эксперимента, здесь же расположился оперативный центр по координации и управлению операциями АТЭП.

(Продолжение. Начало в №№ 288 — 290).

Дакарский порт входит в число оживленных. Обычно четырех-пять судов стоят на рейде в ожидании причалов. Но сегодня к вечеру здесь будет тесно от научных судов, которые придут сюда для обмена материалами, собранными в ходе Атлантического тропического эксперимента.

«Академик Королев» пришел в Дакар одним из первых и ошвартовался к бетонной стенке рядом с канадским океанографическим судном «Квадра» из Оттавы. На берег полетели причальные концы, которые, не торопясь, принял рослый негр. В сорокаградусную жару он был одет в необъятную ярко-оранжевую развевающуюся хламиду и меховой треух явно русского происхождения.

Мы еще не закончили швартовые операции, а в бухту уже входил изящный, со стремительными обводами военного корабля «американец». За кормой у него был привязан желтый с красными стабилизаторами метеорологический аэростат, на баке красовалась пушка, а надпись на борту гласила: «Даллас» — корабль береговой обороны США.

Лихо развернувшись, «Даллас» пришвартовался кормой к корме «Академика Королева», и совсем рядом забились на ветру два флага — алый и звездно-полосатый, как бы подчеркивая содружество двух великих держав.

К закату одно за другим собирались все суда — участники эксперимента. Пришли и наши «малыши», кроме «Волны», которой предстоял заход в бразильский порт Белен. Дакарский порт сразу оживился.

Утром в дакарском порту было уже тесно. Многолицый гомон висел в зноном воздухе, как комарная стая. Тусклого-голубое небо перечеркнули ажурные конструкции мачт,

просторные национальные бубу — мужскую развевающуюся одежду из ярких и пестрых тканей, и экстра-модные джинсы из искусственной замши.

Где не работают ремесленники, действуют торговцы: «Темные очки, месье, купите... Шариковые ручки, часы, сувениры купите...». Здесь продаются все, что может возникнуть в человеческой фантазии.

Нам довелось посетить деревню, где изготавливают традиционные африканские предметы культуры — тамтамы, ритуальные маски, скульптуры. Когдато африканцы свято верили в божественную силу своих идолов. Они их делали каждый для себя. Теперь «боги» пущены в продажу и, хотя процесс их производства еще не механизирован, конвейер уже наложен. И выходят из-под тесла боги, похожие друг на друга, как родные братья.

Деревня, если можно так выразиться, образцово-показательная и находится в черте города. Ее сохранили для туристов. Смотрите, мол, как живет черная Африка. Десятка полтора хижин, и возле каждой расположились умельцы, демонстрируя свой товар. Здесь и тыквенные фляги, украшенные орнаментом, выжженным при помощи куска железа, нагретого на разведенном тут же костре; изделия из золота и серебра — прямо на ваших глазах, пользуясь примитивным теслом и пальцами ног вместо тисков.

Африканцы большей частью не особенно щепетильны со временем. Их понятие о времени широко и неустойчиво. Кажется, что они никогда не спешат. Им чужд ритм наших городов. Женщины, привязав детей за спину платком, носят груз на голове. Прячутливо завернутые в ворох разноцветной ткани, составляющий национальный наряд абе, они в буквальном смысле слова плывут по улице, очень прямые, грациозные и всегда веселые.

Перед стенами домов сидят портные с полосатыми тентами над головой, жужжат машины в окружении кип готовой продукции. Они шьют и

раковины, маски из черного и красного дерева, статуэтки...

Это не обычные торговли, не предложение товаров. Это призыв, мольба, преследование возможного покупателя. Наши белые лица всюду вызывают бешеную активность, очевидно, нас принимают за туристов. Стоило остановиться возле развешанных масок, как откуда ни возьмись вокруг образовалась толпа. Появился торговец.

«Семь тысяч», — тихо говорит он и напряженно рассматривается в мое лицо. Таких денег у меня нет, и я отхожу, сожалея о несостоявшейся покупке. Вдруг кто-то осторожно тянет меня за рукав. «Шесть тысяч», — говорит торговец шепотом. Я набираю в легкие воздуха и выпаливаю, что я не дам и тысячи. Торговец смотрит на меня и вслескивает руками. Я понимаю этот жест, как окончание разговора, и удаляюсь. Но не успел я сделать и трех шагов, как снова услышал тот же голос: «Тысяча, месье, тысяча последняя цена». Плачу деньги, и оба расходимся довольные. Я получил сувенир, торговец минимум вдвое «надул богатого иностранца».

Время приближалось к полудню. Нам надо было побывать в координационном центре, чтобы выяснить детали предстоящих съемок, ознакомиться с планом мероприятий на период стоянки.

С городом координационный центр связывает специальный автобусный маршрут, кроме того, от отеля «Терранга», где живут руководители эксперимента, ходят автомобили.

Здание координационного центра находится недалеко от национального аэропор-

та — воздушных ворот Сенегала. Двухэтажное здание с плоской крышей. Перед входом на высоких флагштоках развеваются два флага — красно-желто-зеленый — Сенегала и голубой — ООН. Здесь состоялось торжественное открытие Атлантического тропического эксперимента с участием президента Республики Сенегал.

Оставшиеся дни стоянки пролетели быстро. В первой половине дня проходили совещания как на берегу, так и на судах, а после обеда ученыe знакомились с коллегами уже в более свободной обстановке, совершили экскурсии на суда. В смысле экскурсий особенно повезло «Королеву». Очевидно, весть о гостеприимстве дальневосточников быстро распространилась по порту. Кроме того, к этому располагало удобство нашей стоянки. Мы стоя-

ли в самом центре порта. Приходили к нам очень многие посмотреть, поговорить, просто поиграть в настольный теннис. Посетители с удовольствием осматривали лаборатории, завидовали комфорту бытовых помещений. Потом гостей отводили в кают-компанию на традиционный борщ.

Дни стоянки подходили к концу. Скоро начало второй фазы исследований. К ним все готовы. Уточнены детали координации дальнейшей совместной работы, выработаны поправки и общие технические условия. Завтра снова в море.

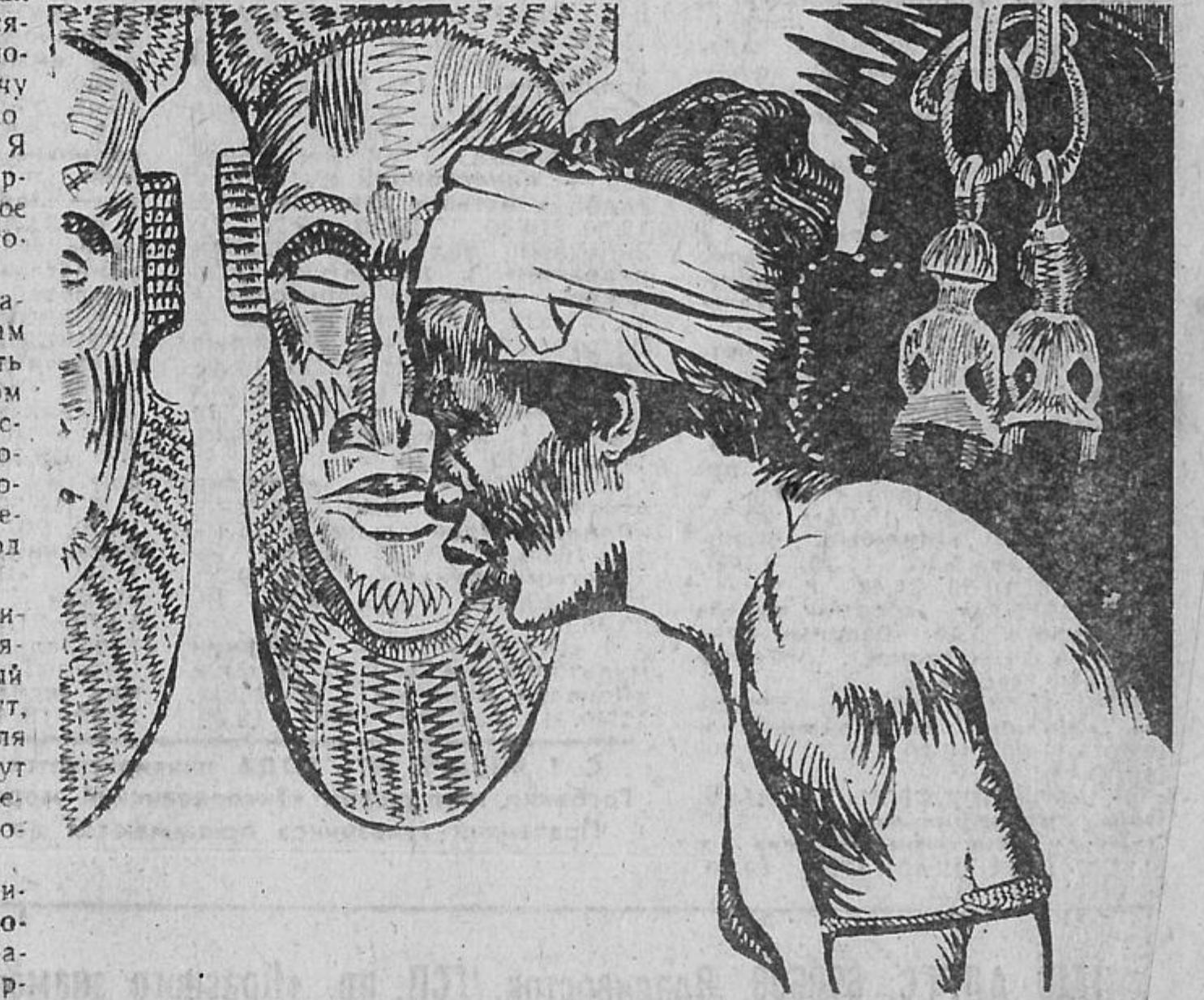
Валентин ЛИХАЧЕВ.

Борт НИС «Академик Королев».

(Окончание следует).

НА РИСУНКАХ: сенегальцы; торговец сувенирами.

Рис. В. Рещука.

НА МЕРИДИАНАХ „ТРОПЭКСа“

Заключительный этап

лу точного времени, мы начали движение. Нам вслед мигали огнями суда, которые только стали запускать двигатели. Их огни быстро таяли в ночи.

Утром мы оказались одни на огромной акватории, очерченной линией горизонта. Только дальновзоркий локатор сообщал о том, что впереди нас движется какое-то судно. Вскоре «Королев» догнал «Квадру». Она долго шла параллельным курсом, но тягаться с нами в скорости ей оказалось не под силу. «Квадра» все больше отставала и наконец скрылась в рано наступивших сумерках.

И вот вскоре мы снова очутились в Дакаре, и снова — первыми. Только у причала одиноко стояла наша «малышка» «Волна», с которой мы расстались почти два месяца назад у берегов Бразилии. Все с нетерпением ждали встречи, и портовая администрация, будто прочтя наши мысли, распорядилась ошвартовать «Королев» бортом к «Волне». Это было замечательно. К вечеру палуба обоих судов представляла собой «объединенную дальневосточную территорию в Западной Африке». Состоялся торжественный вечер встречи, на котором военно-инструментальный ансамбль королевцев «Аргонавты» дал концерт в честь «Волны».

Когда через двадцать дней «Королев» пошел в точку очередного сравнения приборов, все решили, что по каким-то причинам нам сократили стоянку. Однако все оказалось на месте. Двадцать дней прошло незаметно. Теперь оставалось провести сверку и — снова в Дакар.

К концу обмена данными «Академик Королев» уже нетерпеливо подрагивал корпусом, словно живое существо, предчувствуя встречу с землей. Ровно в ноль часов, по сигна-

(Окончание.

Начало в №№ 288—290, 292).

За радостными хлопотами

воохранения «ТРОПЭКСа» в действии.

как-то никто не заметил, что к борту «Академика Королева» пришвартовались «Академик Курчатов» из Калининграда и «Профессор Визе» из Ленинграда. Более грандиозное зрелище трудно себе представить! Четыре представителя советской науки стояли борт о борт, тесно связанные швартовыми и общими задачами.

Нет смысла перечислять все совещания, которые проходили ежедневно по нескольку раз и по самым различным вопросам. Обсуждались не только научные проблемы, но и проблемы, связанные с организацией эксперимента и даже с вопросами охраны здоровья его участников.

Дотошные американцы, приступая к эксперименту, подсчитали, что при столь огромном контингенте научных и технических специалистов неизбежны и такие печальные показатели, как несчастные случаи и даже смертность. Вычислительные машины, которым был задан такой вопрос, со скрупулезной точностью выдали «результат»: тридцать случаев. На одной из конференций американцы предложили использовать в качестве «скорой помощи» свой корабль береговой охраны «Даллас», как наиболее скоростной. А вскоре была предоставлена возможность проверить систему здра-

горство порошков и ровным голосом в нескольких словах объясняет дозировку. На этом прием закончен. Обиженные невниманием больные за глаза прозвали Сашу «тихоходом».

начать третью — заключительную фазу эксперимента.

Уже начался ужин, когда по судовой трансляции объявили: «Доктору срочно подняться в радиорубку!». Мало кто обратил внимание на эту фразу. Так уж бывало не раз: суда, стоящие на своих точках, запрашивали медицинскую консультацию. Но в этот раз все было иначе. Вслед за доктором на мостик вызвали главного механика, а через некоторое время машина заработала на полных оборотах, непривычно сотрясая корпус теплохода. Доктор озабоченно проследовал в лазарет и заперся там.

Наш доктор Александр Игоревич Осипов выше среднего роста, плечист, сутул и малоизговорчив. Больных (их, кстати сказать, немного) выслушивает не торопясь, внимательно глядя на противоположную стену сквозь светлокоричневые стекла больших очков, которые придают ему серьезно озабоченный вид. Очень часто человек, заболев, ждет от врача не столько лекарств, сколько беседы на тему беспокоящей его болезни, а еще точнее — сочувствия. Наш доктор — подлинное дитя научно-технического века — считает такое поведение недостойным.

«Врач — не священник, он должен не вздыхать, а лечить». И Саша лечит. Выслушав жалобы, он, ни слова не говоря, а главное, не объясняя причины недомогания, протягивает

операция, осложненная побочными явлениями, как был спасен человек. Саша был счастлив. Жизнь, люди внесли поправку в расчеты компьютера. Суда ДВНИГМИ возвратились домой, доставив всех участников экспедиции в добром здравии.

Итак, закончился эксперимент «ТРОПЭКС». С точки зрения последней сверки суда уходили в разные части света, отсалютовав прощальными гудками, унося память о добром сотрудничестве. Благодаря коллективным усилиям учёных разных стран накоплен уникальный материал. Результаты проведенного эксперимента представляют интерес не только для учёных всего мира — их ощущают все люди, живущие на земле, потому что Атлантический тропический эксперимент еще раз доказал, что жизненно важные проблемы современности можно решать только сообща.

Валентин ЛИХАЧЕВ.
Борт НИС «Академик Королев».

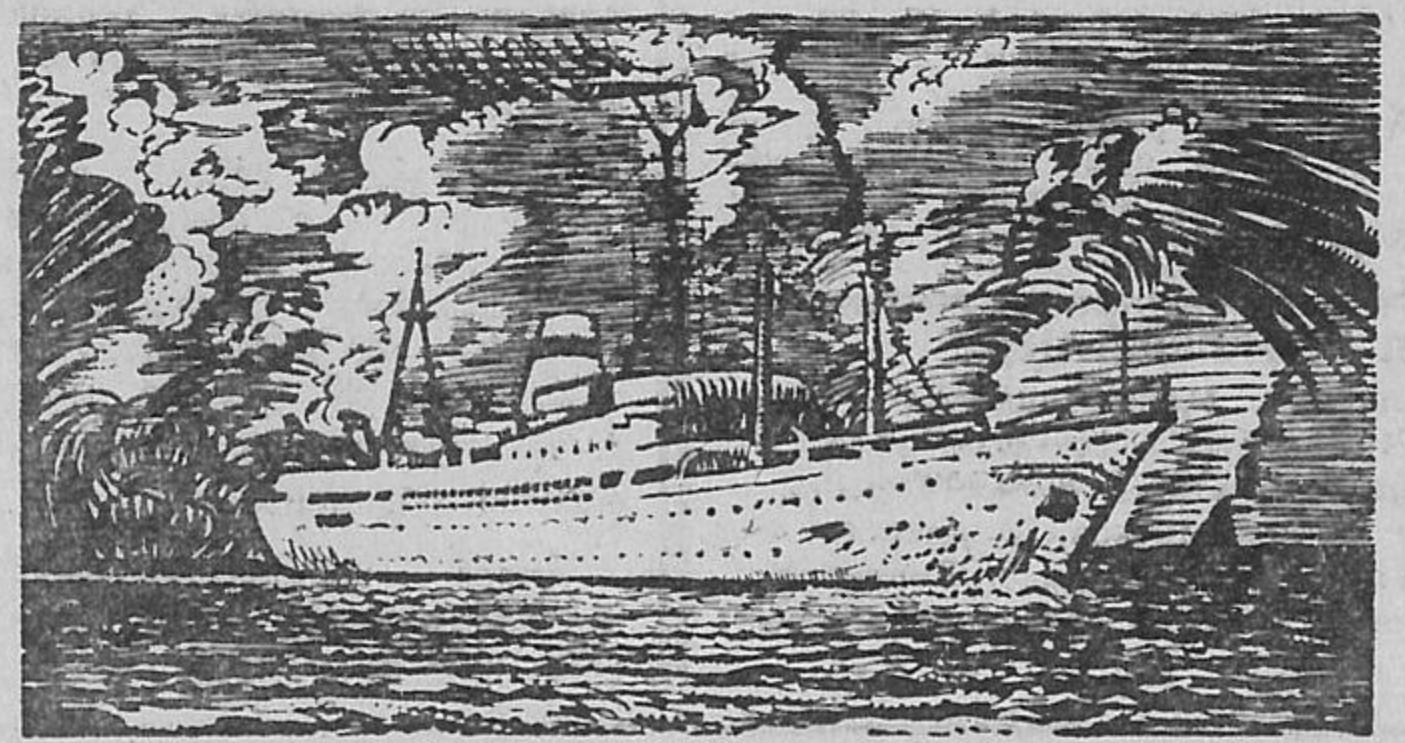

Рис. В. Рещука.

«К ЭТОМУ времени мутный мрак так сгустился, что казалось, будто наступила черная безлунная ночь или что мы попали в комнату, где погашены все светильники. Повсюду слышались причитания женщин, плач детей и крики мужчин. Один звал отца, другой — сына, третий — жену, но только по голосам они могли узнать друг друга. Многие в отчаянии молили о смерти, которая окончила бы их страдания. Иные взывали к богам о спасении, иные считали, что настала последняя, вечная ночь, которая должна поглотить Вселенную».

Так описывал последний миг Помпей чудом спасшийся известный историк Плиний Младший. Девятнадцать столетий отделяли тот страшный августовский день от безоблачного августовского воскресенья, когда научно-исследовательское судно погоды «Эрнст Кренкель» бросило якорь в голубые воды Неаполитанского залива. По берегу широкой подковой выгнулся город, а вдали виднелся пологий холм Везувия.

От Неаполя до Помпей минут сорок неспешной езды на автобусе. Вдоль автострады широко раскинулись виноградники. Обильно удобренная вулканическим пеплом земля приносит большие урожаи. Сегодняшние Помпеи — небольшое предместье, жители которого занимаются переработкой продуктов сельского хозяйства и обслуживают мно-

В СТРЕЧА С ПОМПЕЯМИ

гочисленных туристов, приезжающих со всех концов света, чтобы взглянуть на исторические руины.

От небольшой площади, где голосистые торговцы бойко распродают картички Везувия с пририсованным к его вершине неестественно грозным облаком и фальшивые древности, крутая лестница ведет к легендарному городу. Вход в него лежит через музей, где бережно собрано все, что удалось раскопать, восстановить, уберечь от расхитителей.

Помпеи обнаружили еще в XVI веке, когда сооружали водоотливной канал. Средневековые строители натыкались на обломки древних сооружений, находили в грунте необычайной красоты статуэтки, а затем обнаружили руины древнего храма, украшенного скульптурами. В ту-

пору раскопки велись единственно с целью наживы, и только в 1860 году работы по расчистке древнего города возглавил архитектор Джузеппе Фиорелли. Это его стараниями было положено начало восстановлению погребенных под слоем пепла улиц и кварталов.

В музее хранятся немые свидетели

трагедии 79 года. Фиорелли восстановил облик жителей Помпей с необычайной точностью. В пустоты, возникшие в окаменевшей лаве, он заливал гипс, и податливый материал донес до нас даже выражение ужаса, застывшее на лицах людей.

Сразу от музея, из-под мрачной арки «Морских ворот» начинается улица Фортуны, упирающаяся в сияющий белизной прямоугольник Форума, с хра-

мами, общественными зданиями и колоннами.

Девятнадцать столетий назад площадь

Форума

была самым оживленным местом в городе.

От площади Форума начинается не-когда самая богатая Торговая улица.

Она самая длинная и самая старая в городе. Свидетельства тому видны повсюду: в прочной мостовой из толстых ла-вовых плит колеса многочисленных по-возок пробили глубокие колеи, ступеньки школы, почти совершенно истерты;

но самое впечатляющее — это каменная

цистерна для воды. Там, где горожане

опирались на желоб рукой, чтобы напиться, в камне образовалась выемка, в которой целиком укрывается поставленный вертикально спичечный коробок. И тем не менее, несмотря на тысячелетие, дома на Торговой улице лучше всего сохранились. Замечательные фрески по сей день радуют глаз яркостью красок и изяществом рисунка.

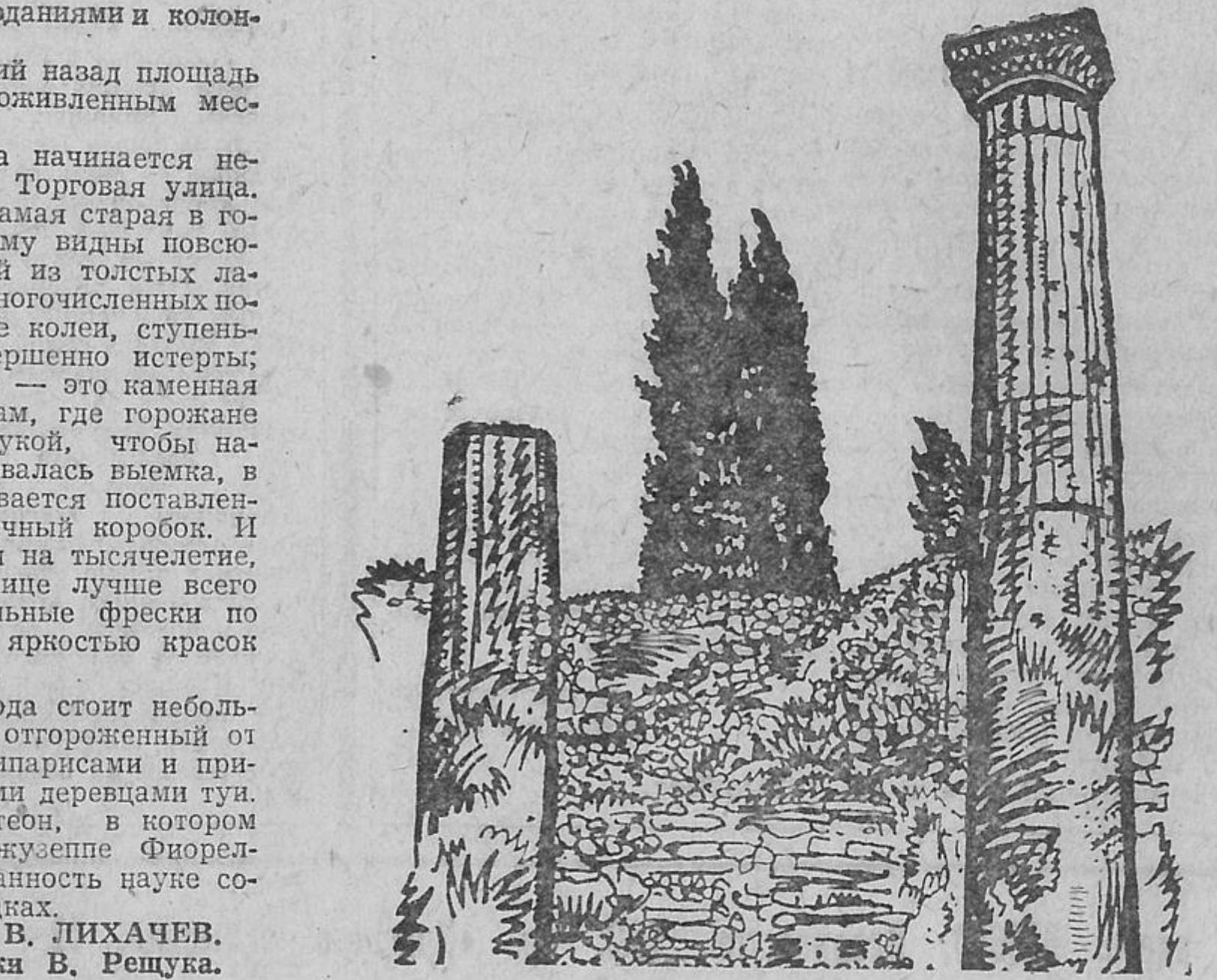
...На выходе из города стоит небольшой тенистый портик, отгороженный от

руин вечно зелеными кипарисами и приводливо подстриженными деревцами туи.

Это своеобразный пантеон, в котором установлены бюсты Джузеппе Фиорелли и других, чья преданность науке сохранила память о предках.

В. ЛИХАЧЕВ.

Рисунки В. Рещука.

ДЕНЬ В НЕАПОЛЕ

Лет пять назад мне попались стихи. Автора я уже не помню, но хорошо запомнились несколько строк:

...здесь, как и всюду
в западных морях,
этически спокойные,

как горы,
у входа в шумный порт
на якорях
стоят американские линкоры.
Для пьяных драк кастеты
и ножи

на виа Рома парни
держат близко.

Мой добрый итальянский
друг, скажи,

Неаполь это или
Сан-Франциско?

И вот я в Неаполе. Первое, что бросилось в глаза,—военный «фрегат» под звездно-полосатым флагом и повисший над ним вертолет.

Пологая дуга пляжа пенилась барабанами — отголосками недавно бушевавшего шторма. На косе, остро врезавшейся в море, тесно прижавшись друг к другу, стояли дома той самой архитектуры, которая делает города похожими один на другой. Это новый Неаполь. А прямо перед нами каскадами поднимались в гору постройки, камни которых наверняка помнят величие и падение Римской империи. Возрождение, Великие географические открытия.

Вопреки ожиданиям, на виа Рома мы не встретили американских военных моряков. Не было и щедрых белозубых улыбок, на которые, если верить знатокам, так щедры неаполитанцы.

Причина сдержанности объяснилась просто. За несколько

дней до нашего прихода в Италии поднялись цены на продукты. Втрое дороже стали даже традиционные макароны. Тут уж не до улыбок.

Первое впечатление, что Неаполь — город автомобилей. Они сплошным потоком лютятся по улицам, и кажется, что создают серьезную угрозу пешеходам. Но из-за тесноты улиц и обилия машин литанцам приходится передвигаться на своих авто со средней скоростью шесть километров в час.

Мы долго бродили по улицам Неаполя. Заходили в крошеные лавочки. Мы хотели увидеть настоящий Неаполь.

Рыжий парень — продавец из обувного магазина стоял, позабыв про покупателей. Он прижимал к уху транзистор и самозабвенно покачивал головой в такт музыки. Завидев нас и справедливо определив наше не итальянское происхождение, он протянул нам радиоприемник со словами: «Бельканто, наплитано, диалекто». Американская радиокомпания передавала народные неа-

политанские песни. По нынешним временам — это редкость. Чаще можно услышать музыку американского «производства», исполняемую неаполитанцами. Вот уж воистину: Неаполь или Сан-Франциско.

Нам «хотелось Неаполя». Усталые, мы сели передохнуть, и тут же к нам подошли два мальчугана лет по двенадцати от роду. Они наперебой стали предлагать сигареты. Узнав, что мы некурящие, более бойкий из мальчишек многозначительно сообщил: «Американские...», а когда понял, что нас не соблазнить даже столь значительным в его глазах аргументом, вдруг выпалил: «Тогда купите мне стакан вина».

Выручил нас пожилой итальянец. Он вдруг покраснел, набрал в легкие воздуха и разразился такой длинной тирадой, что мой коллега ошеломленно покачал головой и пробормотал: «Теперь я знаю, откуда в Италии берутся певцы...». Когда произвучали последние слова: бамбино мафиози, — от маленьких контрабандистов остался лишь зами-

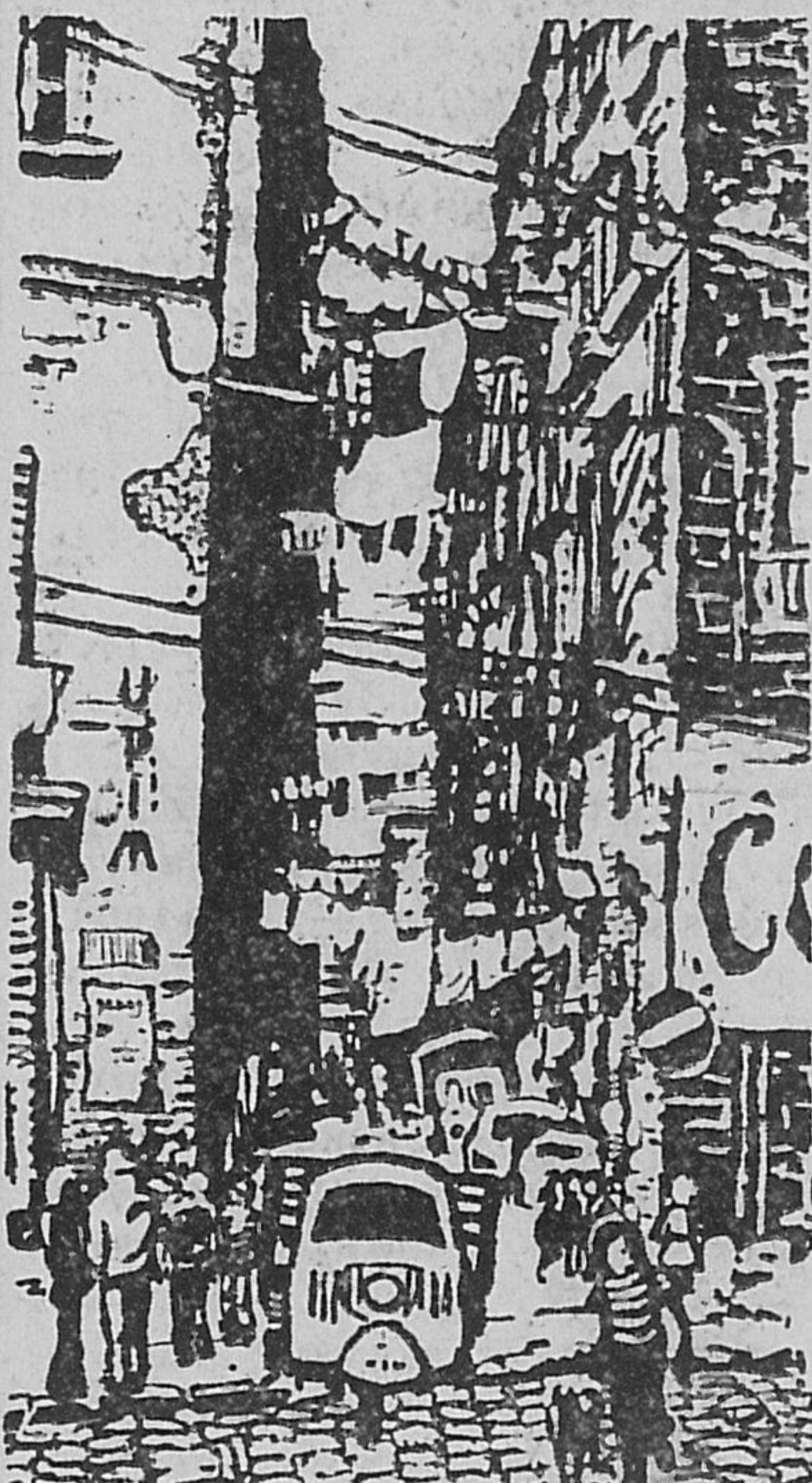
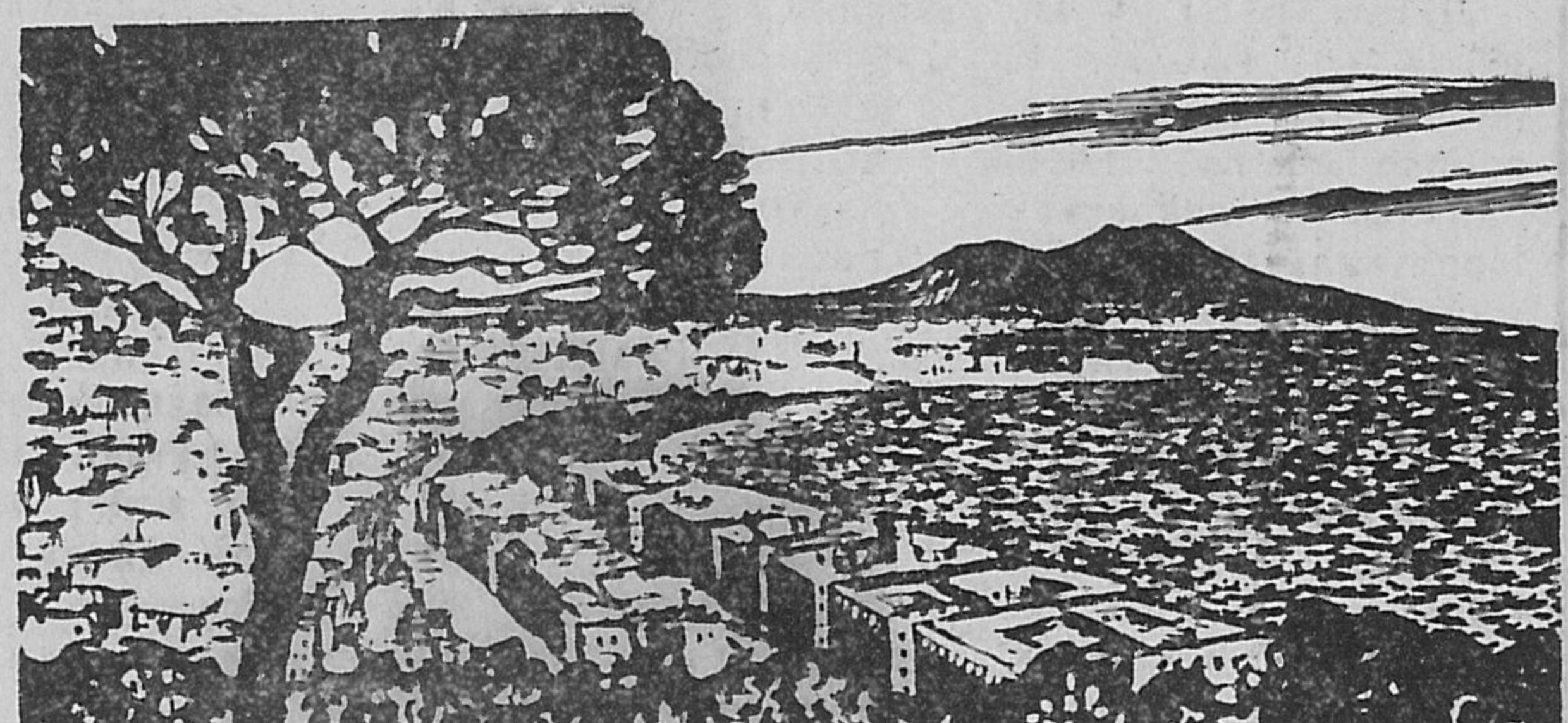
рающий вдали стук каблуков по мостовой. В довершение впечатления мы услышали всхлипывающие звуки старенького аккордеона и увидели бродячего музыканта.

Опустился вечер. Мы шли по виа Рома, ярко освещенной неоном реклам и светом витрин. И каждый из нас почему-то отводил взгляд от встречных неаполитанцев. Нам казалось, что втайне каждый из них задавал себе вопрос: «Неаполь это или Сан-Франциско?».

В. ЛИХАЧЕВ.

НА СНИМКАХ: Неаполь — город у моря; уличка старого Неаполя.

Рис. В. Рещука.

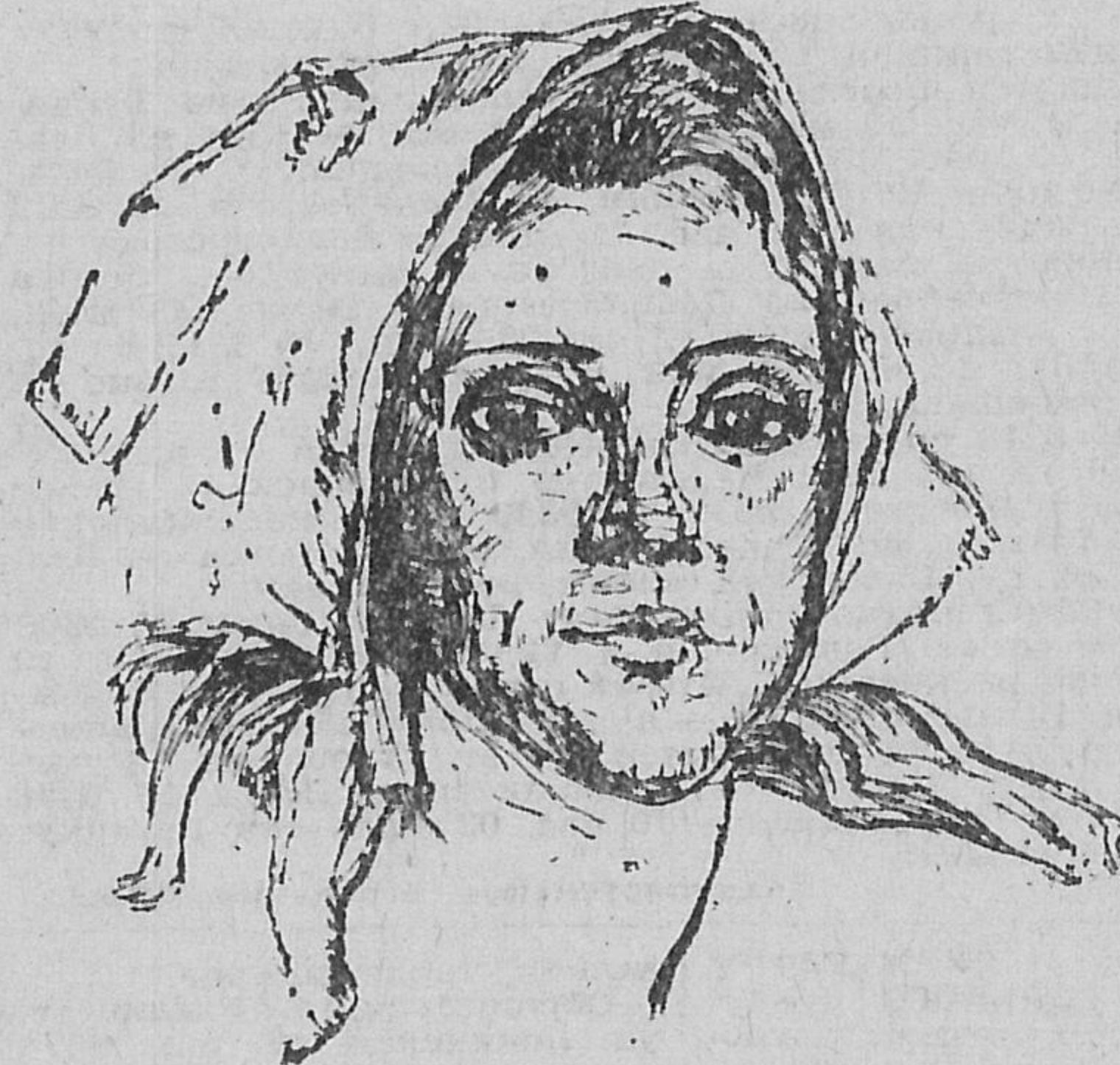
...ОБОЗРЕВАЕТ

Камерой и кистью

Во Владивостоке в Доме радио открылась выставка работ оператора студии «Дальтелефильм» В. Рещука.

Как бы далеко ни забрасывала судьба кинооператора-документалиста Василия Рещука, а его тело набитом рюкзаке всегда найдется место для пузырька с тушью, коробки с акварельными красками да нескольких десятков листов бумаги; а выдастся свободная минутка — и он уже один на один со своим увлечением.

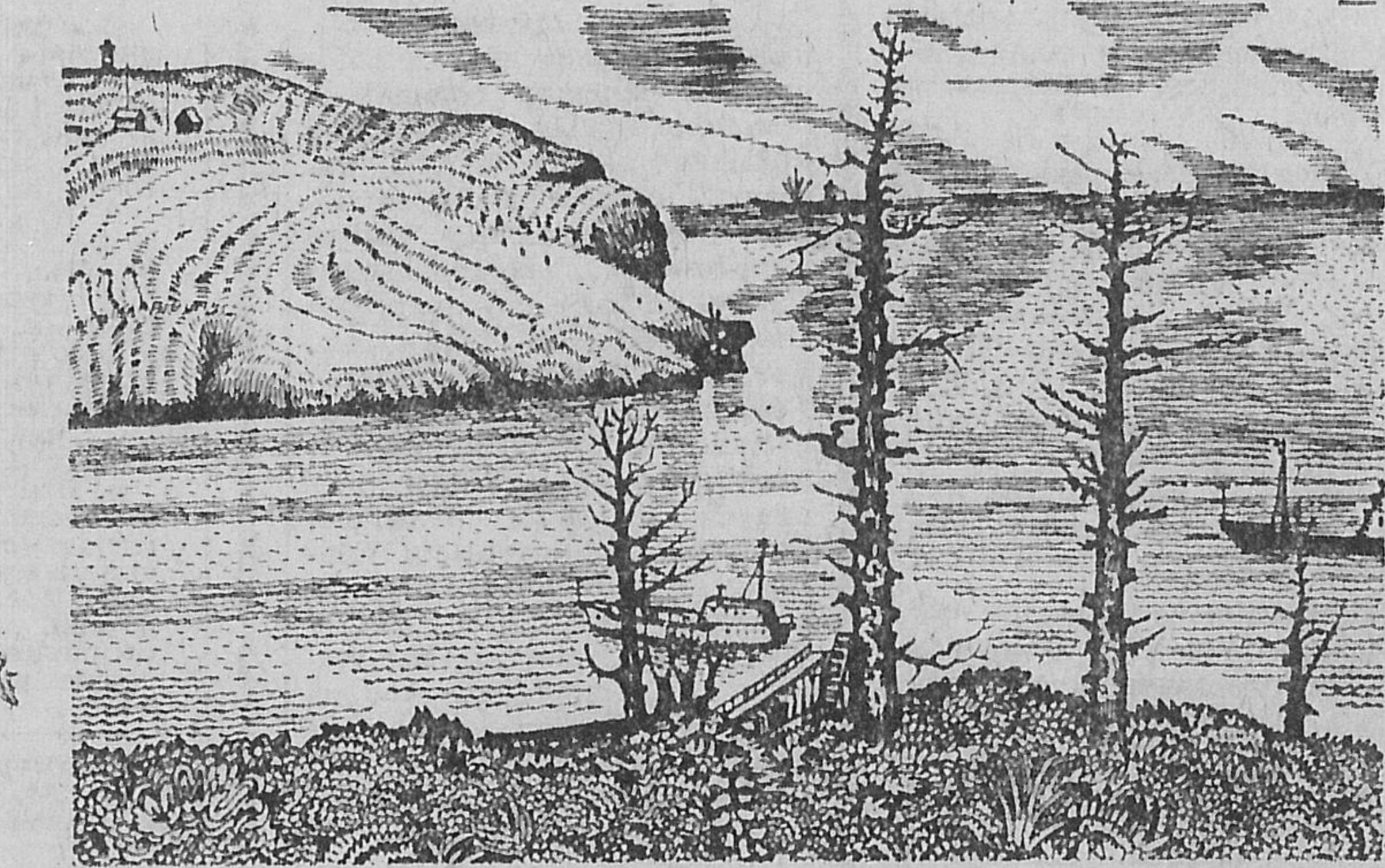
Строго говоря, увлечением это назвать трудно. Какое же это увлечение, если специально учился, чтобы стать художником? Однако так распорядилась творческая судьба, что Василий Рещук стал кинооператором. Профессии, правда, взаимно дополняющие одна другую, и школа ху-

дожника, бесспорно, сказалась на творческом почерке Рещука-кинооператора. Его ленты отличают изящество, отточенность композиции, тонкий лиризм, неординарность цветовых решений, а сюжеты живописных полотен и графических листов очень часто возникают под влиянием сценического будущего фильма.

И все-таки есть у художника Василия Рещука тема, к которой он обращается постоянно, которой он посвящает наибольшую часть своего творческого дарования. Это — тема природы.

Открывшаяся выставка и знакомит с его работами. Более пятидесяти живописных

полотен и графических листов представил художник на суд зрителей. Здесь и пейзажи, отмеченные характерным для художника богатством красок, и тонкие, полные лиризма портреты, и метко схваченные движения в набросках.

Посетите выставку, и вы уне-

сете с собой настроение праздничности от встречи с ярким и жизнерадостным искусством.

В. ЛИХАЧЕВ.

Рисунки В. Рещука:
«Рыбообрабочница Людмила Агеева».
«О. Шикотан, Бухта Малокурильская».